

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЦЫГАНОВКИН

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская пл., д. 6
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: whitehall@bk.ru
SPIN-код: 5094-1016

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin

МОНИСТИЧЕСКИЕ И ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕГО МЕТОДОВ

Аннотация. В статье анализируются возможности применения монистических и плюралистических подходов к исследованию феномена правового регулирования и его методов. Целью статьи является корректировка теоретических конструкций юридической науки в рамках плюралистического интегрального подхода на основе современной научной методологии. Предметом исследования является плюралистическая, интегральная интерпретация категорий правового регулирования и его методов, позволяющих обобщать ментальные, знаковые и поведенческие аспекты правовой регуляции и более эффективно структурировать опыт научного познания права. В результате обосновывается возможность формирования интегрального подхода в теории правового регулирования, который можно операционально применять при эмпирических исследованиях реальных регулятивных процессов в обществе.

Ключевые слова: методология юридической науки, правовое регулирование, метод правового регулирования, монистические подходы, плюралистические подходы, интегральная интерпретация, социокультурная обусловленность

VLADIMIR A. TSYGANOVKIN

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya square, 125993, Russian Federation, Moscow
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka st., 119019, Russian Federation, Moscow
E-mail: whitehall@bk.ru
SPIN code: 5094-1016

MONISTIC AND PLURALISTIC INTERPRETATIONS OF LEGAL REGULATION AND ITS METHODS

Abstract. The article analyzes options of applying monistic and pluralistic approaches towards the study of the phenomenon of legal regulation and its methods. The purpose of the article is to correct the theoretical constructions of legal science within the framework of a pluralistic integral approach based on modern scientific methodology. The subject of the study is pluralistic, integral interpretation of the categories of legal regulation and its methods, which make it possible to generalize the mental, symbolic and behavioral aspects of legal regulation and to structure the experience of scientific knowledge of law more effectively. As a result, the possibility of forming an integral approach in the theory of legal regulation, which can be operationally applied in empirical studies of real regulatory processes in society, is substantiated.

Keywords: methodology of legal science, legal regulation, method of legal regulation, monistic approaches, pluralistic approaches, integral interpretation, sociocultural relativism

1. Введение

Категория «метод правового регулирования» выражает как рационализированный правоведами реальный опыт целенаправленного упорядочения людьми своих правовых отношений, исходя из их собственных целей, так и в большей степени отражает нормативные представления референтных групп (политических элит и профессиональных сообществ) о праве прежде всего как о сумме профессиональных юридических технологий упорядочивания социальной жизни.

При анализе познавательных возможностей использования данной категории мы попытаемся учесть актуальные требования и параметры научной картины мира постсовременности, которые обуславливают переосмысление многих социально-правовых феноменов и корректировку соответствующих им научно-аналитических категорий правовой теории. Эти парадигмальные изменения социальной эпистемологии предполагают в нашей авторской интерпретации следование следующим познавательным принципам и установкам: сочетание *релятивистского плюрализма с интересубъективностью знания* о праве (т.е. срединная позиция между недостижимыми «объективностью» и «истинностью» классического периода и разрушительными для науки абсолютным релятивизмом и описательным субъективизмом постмодерна), *интегральное восприятие* права как онтологически многомерного явления (т.е. несводимость его только к какому-либо

одному из аспектов феноменализации — правосознанию, правоотношениям или нормативным источникам, а их описательно-объяснительный синтез), принцип *двойной социокультурной обусловленности* правовых явлений (зависимость их формирования и воспроизводства как от набора специфических культурных принципов конкретного общества, так и от инвариантного набора наиболее общих идей и ценностей большой юридической традиции), *мягкий конструктивизм* (чуждый как волюнтаристскому конструктивизму в духе Просвещения либо Постмодерна, так и представлению в «всевластии структур» и «объективных» социальных процессов, но учитывающий трансформирующий эффект социального знания на сам познаваемый феномен), *содержательно-аналитический характер* научной теории (т.е. выбор в пользу исследовательских моделей, основанных на выявлении качественной определенности — социально-сконструированной сущности — конкретного явления среди феноменалистически сходных, т.е. в авторской интерпретации — «конструктивистский эссенциализм»), *человекоразмерность интерпретации* правовых явлений (их описание и объяснение в том числе в субъекто-ориентированных и деятельностных категориях).

Все подходы к интерпретации «методов правового регулирования» можно условно разделить на две группы: монистические и плюралистические.

К первой категории можно отнести те исследовательские подходы, которые в своем познании правовой регуляции исходят из ее одностороннего видения¹, абсолютизируя какой-либо один из аспектов проявления: внешний (формальная определенность и санкционированность, как это делает формалистический позитивизм или наибольшая обязательность, как в позитивизме социологическом), не затрагивая внутренних специфических качеств, либо сводя все исключительно к идейному содержанию и пренебрегая позитивностью (официально-юридическим аспектом) или фактической действительностью, как это свойственно различным вариантам юснатурализма или метафизических философских концепций.

Наиболее детально разработанной в рамках таких подходов является традиционная формалистическо-позитивистская или техни-

¹ В качестве одной из основных тенденций в исследованиях правового регулирования конца XX — начала XXI в. правоведы называют детализацию анализа отдельных аспектов и элементов этого явления при отсутствии комплексного взгляда и целостного объяснительного подхода. См.: *Тихомиров Ю.А.* Государство: Монография. М., 2018. С. 91.

ко-юридическая (догматическая) интерпретация методов правового регулирования, репрезентирующая их как логико-лингвистические способы формулирования нормативных предписаний и индивидуальных актов реализации юридических прав и обязанностей.

Менее развитой в рамках отечественного правоведения является антропологическая интерпретация, делающая эксклюзивный упор на фактическом упорядочивающем поведении и нивелирующая формально-юридическую сторону дела (не случайно антропологический подход долгое время считался наиболее подходящим для изучения бесписьменных культур). И хотя изучение явно неэксплицированных моделей поведения, а не только его «правильных» культурных автомоделей в текстах является хорошим дополнением любого описания и объяснения, претендующего на статус научного, тем не менее монизм данного подхода имеет существенные недостатки.

2. Применение различных подходов к анализу юридической практики

Рассмотрим, каким образом работают монистические подходы, при переходе с уровня широких теоретических обобщений, где недостатки модели объяснения бывают не всегда очевидны, на уровень более конкретных эмпирических обобщений.

Банк нормативных правовых актов в Российской Федерации Минюста России по состоянию на октябрь 2020 г. содержал 125 842 акта федерального законодательства, 59 270 нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, 16 191 актов судебной практики, 766 505 нормативных правовых актов субъектов РФ. А на октябрь 2021 г. уже 133 621 акт федерального законодательства, 65 415 нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, 17 470 актов судебной практики, 1 850 611 нормативных правовых актов субъектов РФ².

И хотя в значительном числе юридических ситуаций рядовой субъект права, лично не знакомый с содержанием большей части источников права, полагается на знание норм, которое транслирует профессиональный посредник правоотношения (нотариус, адвокат, судья, юрисконсульт, полицейский и т.д.), очевидно, что и профессиональ-

² Министерство юстиции Российской Федерации. Нормативные правовые акты в Российской Федерации: URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/big5/portal.html> (дата обращения: 20.10.2021).

ные субъекты правоприменительной деятельности, даже учитывая фактор крайне дробной их специализации и разветвленного «разделения труда», физически не могут на практике руководствоваться ВСЕМИ этими формальными источниками.

В каком смысле существует правовое регулирование в случае значительной части данных актов? Только в воображении правотворцев, часто руководствующихся в работе бюрократическим критерием количественного «производства» нормативного материала, либо в представлениях формалистических правоведов-позитивистов. Как известно, «в целом правовая доктрина и отечественное и зарубежное законодательство, закрепляющее формулировки о действующем праве, основываются лишь на факте издания и вступления нормативного акта в юридическую силу, подменяя этот факт фактом действия права, тем самым порождая... иллюзию правового регулирования»³.

Официальные нормативные предписания, названные Морисом Ориу «дисциплинарными»⁴, еще не обладают полноценной регулятивной природой пока представляют собой лишь субъективное выражение направляющей идеи порядка. Чтобы стать действительным правом, эти предписания должны получить одобрение в форме присоединения к ним со стороны значимого числа членов общества, т.е. санкционированы фактом их длительного существования. Лишь в таком случае они переходят из временного состояния предварительных властных императивов в состояние «установленного» права (*droitstatutaire*)⁵. Следовательно, деятельность государства по созданию юридических моделей потенциальных норм и последующему гетеронному влиянию на социальные практики в целях их приведения в относительное соответствие с этими моделями можно обозначить как *государственное правовое воздействие*. А правовое регулирование имеет место только тогда, когда соответствующие функциональные и ценностные цели достигаются. При том, что общей целью социального нормативного регулирования выступает удовлетворение системы потребностей людей, объединенных в общество («политическое тело»), в случае с правом происходит ценностно-функциональная (социокультурная) конкретизация этой цели — упорядочение социаль-

³ Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П., Третьякова О.Д. Актуальные проблемы теории правового регулирования: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2020. С. 49.

⁴ См.: Ориу М. Основы публичного права / Пер. с франц. под ред. Е. Пашуканиса, Н. Челяпова. М., 1929.

⁵ См.: там же. С. 15–16.

ных взаимодействий по принципам справедливости, формального равенства («равенства перед законом»), добросовестности и юридической определенности.

Однако и неформалистические подходы монистического типа в своем описании конкретики регулирования, как правило, оказываются неадекватны наиболее значимым представлением о праве. Так, некоторые направления «правового реализма» или антропологических исследований права абсолютизируют фактичность прагматики, т.е. деятельности регулирующих акторов, снижая до незначительного минимума либо вообще отрицая значение формально-правового аспекта.

Антропологический поворот в социогуманитарной науке сильнее, нежели большинство классических подходов, акцентирует значение субъекта в структуре правового регулирования, поскольку вне и помимо этого субъекта невозможны ни социальные отношения, ни различные способы их упорядочения. Рассмотрение правового регулирования как упорядочивающего воздействия на социальное поведение без указания на субъект (субъекты) такого воздействия либо обозначение в качестве таковых правовых норм и институтов сегодня может восприниматься как реификация (овеществление)⁶, не удовлетворяющая критерии человекообразности научного описания социального мира.

Привлекательность такого рода подходов, особенно в отечественной теории права, объясняется тем, что при рассмотрении категорий правового регулирования в ней традиционно имеет место реификация, когда юридические средства, способы и методы регулирования представляются как некие сущности, обладающие свойствами объективного (внеличностного) бытия⁷. При таком дискурсе «они» предстают в сознании как «понятия, далекие от опыта» (*experience-distant concepts*), или, говоря языком метафизики, как некие эгрегоры, живущие самостоятельной жизнью и «извне» оказывающие упорядочивающее воздействие на поведение людей и деятельность их организованных групп в обществе.

Следует ли, исходя из этого недостатка, перейти от безличного, формального и «далекого от опыта» описания к полностью антропологизированному? Что нам даст такое исключительно человекоцен-

⁶ Правовое регулирование, например, презентуют «в качестве особого вида воздействия, оказываемого элементами правовой материи на общественные отношения». См.: Бакулина Л. Т. Правовое регулирование в контексте интегративного правопонимания // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 103–109.

⁷ Подробнее см.: Цыгановкин В. А. Антропологическое измерение правового регулирования // Социогуманитарные смыслы и значения права: Монография / Под ред. Л. И. Глухаревой. М., 2019. С. 41–50.

тричное понимание правовых явлений и что оно у нас отнимет применительно к конкретным категориям юриспруденции и, в частности, конструкциям теории правового регулирования? Каким образом, например, в данном дискурсе возможно отображение таких важнейших категорий юридического мышления, как юридическое лицо, государство, муниципалитет, корпорация, народ и др. Если исходить из того, что правовое регулирование — это исключительно фактические способы деятельности людей, признаваемые нормальными и обеспечивающие воспроизводство и функционирование данного общества⁸, то при анализе такого явления, как «коррупция» в некоторых социумах, нужно будет сделать вывод, что «правовым порядком» являются именно коррупционные отношения как типичные и общезначимые. Следует ли признать такую актуальную практику правовой, если она и есть искомым антропологическим подходом человекоразмерный модус реальности? Таким образом, одностороннее, т.е. монистическое, применение антропологического дискурса несет значительный риск искажения традиционных общеюридических представлений о праве и размывания самого предмета юридической науки.

К противоположным (плюралистическим или многомерным), соответственно, относятся те направления, которые строятся на выявлении в общезначимой социальной практике феноменалистически различных проявлений и значимых представлений о праве⁹, которые могут быть непротиворечиво интегрированы в единый и верифицируемый конструкт «права»¹⁰. Набор таких проявлений и представлений должен быть при этом операциональным, инвариантным и достаточно общим для различных правовых систем, таким образом, чтобы типизированные его составные элементы не умножались до бесконечности, приводя к эклектике и бессодержательности соответствующей категории, и невозможности применения ее для эмпирических обобщений общественной практики, а не только для теоретизации высокой степени аб-

⁸ Так «правовое» определяется в «социолого-антропологической теории права». См.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 243, 380.

⁹ В рамках интегральной юриспруденции «анализ различных аспектов такого многогранного явления, как право, осуществляется с позиций общего представления о наличии некоего сущностного ядра, позволяющего удерживать в сфере своего притяжения различные характеристики права как формы проявления единой сущности» (*Лапаева В.В.* Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13).

¹⁰ См.: *Кожокарь И.П.* Дефекты нормативно-правового регулирования: Монография. М., 2021. С. 27, 30.

страктности. Интегральное правопонимание учитывает тот факт, что практикующие юристы в разных странах сегодня чаще всего отождествляют право с системой общеобязательных норм, санкционируемых государством¹¹, но предполагает недопустимость игнорирования его аутентичной ментальной, идейной (содержательной) стороны, составляющей суть длительной юридической традиции и культуры.

В частности, в отличие от такой монистической трактовки, как классический нормативистский позитивизм, в интегративной интерпретации правовое регулирование понимается как процесс упорядочения социальных взаимодействий при помощи как предписаний государственных акторов, так и спонтанно формируемых в обществе правил и соглашений. Таким образом, механизм правовой регуляции в плюралистическом понимании — это не всегда государственные процедуры упорядочивания поведения субъектов права и формирования устойчивого порядка юридической деятельности, а значит, государственно-правовая политика (как управляющая практическая деятельность и информационное воздействие юридических предписаний субъектов власти) является лишь частью более общего процесса правовой регуляции. Как известно, в целом социальное регулирование (от лат. *regulo* — «устраиваю», «привожу в порядок») существует не только как целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте¹², но и как взаимодействие членов общества на основе непреднамеренно формируемых норм.

Несмотря на привнесение в позитивистскую традицию существенных элементов социологии, т.е. ориентации на реально действующие институты и практики, правоведы часто продолжают отождествлять правовое и законодательное регулирование¹³. Это означает, что правовая регуляция прежде всего понимается именно как властное воздействие на общественные отношения, опосредованное официальными прескрептивными текстами¹⁴ безотносительно, во-первых, их содер-

¹¹ См.: Корнев А.В. Социология права: Учебник. М., 2018. С. 170.

¹² См.: Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д, 2001. С. 93.

¹³ Известно, что «согласно общепринятому пониманию, правовое и законодательное регулирование понятия равнозначные, которые отличаются лишь как более узкое и широкое» (Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01.СПб, 2009. С. 34).

¹⁴ Л.С. Мамут показал необходимость устранения подобной тавтологии: «Негоже определять право через... правовые (!) тексты» (Мамут Л.С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 8).

жания и качественной направленности, а во-вторых, иногда и результативности такого воздействия¹⁵.

Однако подобное официальное воздействие может и не возыметь результата, т.е. упорядоченности общественных отношений в соответствии с предписанными правилами, и потому не будет являться *регулирующим* с точки зрения социологии права или деятельностного, т.е. основанного на эмпирических данных, подхода теории права. Именно поэтому, например, мониторинг фактического воздействия¹⁶ регулятивных нормативных актов «не может сводиться к формальному проведению консультаций и улучшению стилистики или грамматики нормативных предписаний» и «только количественный анализ выполнения заложенных органом-разработчиком экономических индикаторов и показателей может служить инструментом повышения качества регуляторной среды»¹⁷.

Существуют ли методы правового регулирования в социальной реальности или это лишь умозрительные категории в воображении юристов-теоретиков? Что прежде всего исследуют авторы научных работ по данной тематике, чтобы увидеть и узнать эти методы, где ищут сферу их «обитания»?

В первую очередь в произведениях жанровой юридической литературы, поскольку эти мыслительные, аналитические конструкции были порождены прежде всего сознанием правоведов, и поэтому познание «методов» — это по большей части анализ комплекса теоретико-правовых текстов, где рождаются, живут, и часто умирают эти методы. Но следует помнить, что и само право в целом — это прежде всего мыслительный концепт юридического сознания, а не физический, непосредственно наблюдаемый объект.

Другой возможный ответ на вопрос о природе методов регулирования и месте их обитания — это законодательство. Методы регулирования — это во многом выраженные в тексте официальных актов

¹⁵ При этом подходе «любой институт признается законным, независимо от отношения к нему населения, от фактического действия (соблюдения, исполнения, использования или применения), от его эффективности и т.д.» (Честнов И.Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. СПб., 2006. С. 87).

¹⁶ Такая оценка фактического воздействия на федеральном уровне была введена постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 в отношении тех действующих нормативных правовых актов, которые ранее проходили ОРВ (оценку регулирующего воздействия).

¹⁷ Теория и практика регуляторной политики в России: Монография / Под ред. А.Б. Дидикина. М., 2020. С. 20.

представления властных субъектов социальной номинации («законодателей» — в широком смысле) о том, как должна быть устроена правовая жизнь, их попытка сознательного, рационального конструирования этой реальности с помощью предписывающих текстов и господствующих номинаций.

И наконец, третий возможный вариант сферы существования методов, к изучению которой в целом реже, чем к первым двум, обращаются исследователи вопроса — это социальная прагматика упорядочивания — повседневность юридической жизни, субъекты которой, вероятно, нечасто рефлексируют о способах своего действия в рациональной и наукообразной форме, но, тем не менее, реально применяют и демонстрируют повторяющиеся наборы приемов (т.е. социальные технологии) деятельности — «методы правового регулирования».

Основная гипотеза многомерного интегрального подхода в его предлагаемой здесь авторской интерпретации состоит в том, что во многих случаях три описанные плоскости содержательно совпадают в такой мере, что можно говорить о них как об аспектах или измерениях одного и того же социокультурного явления. Иначе говоря, «метод регулирования» — это сложная констелляция трех внешне различных пластов правовой культуры в реальной жизни. Эти три формы бытия права — поведенческая, мыслительная и официально-текстуальная — часто аспекты единого целого. Но это не означает, что они не могут в чем-то расходиться друг с другом: официальные модели должного порядка не всегда буквально реализуются на практике, а некоторые аспекты реальной регулятивной прагматики еще не осмыслены категориально и не имеют собственных устойчивых форм мышления о них, а также зачастую не отражаются напрямую в официальных юридических текстах. И наоборот, не нужно долго искать примеры официальных регулятивных текстов, которые могут не выражать ни общезначимых форм мышления и ценностей данного общества, ни реальной юридической практики: классический случай для многих стран их собственная Конституция.

Однако там, где эти три аспекта пересекаются, совпадают, переходят друг в друга, можно говорить о праве как о реальном явлении в полном смысле слова и как об объекте социальной науки во всех его ипостасях. Аналогичным образом в современной гуманитаристике считается, что миф как явление существует одновременно в виде сюжета, ритуала и особой формы сознания. Поэтому вопрос о методах регулирования, как и о любой достаточно значимой научной и практико-юридической конструкции, это вопрос о сложных отноше-

ях между жанровой литературой — авторской, творческой мыслью юристов (в широком смысле), сферой законодательства (индустрией официальных текстов) и социально-юридической упорядочивающей практикой повседневной жизни.

Многомерность описания, свойственная плюралистическим подходам, зачатую имплицитно основывается на общенаучном принципе дополнительности, который имеет фундаментальное значение и в сфере социальных наук¹⁸. Именно исходя из данного принципа зачастую формулируется дополнительность перспектив и точек зрения на правовые феномены, а также отрицание единственного взгляда на право «изнутри».

Плюралистический (многомерный) подход должен интегрировать в одну описательную модель и «институциональное» (структуралистское) «поведенческое» (субъектоцентричное) и восприятия процесса создания и воспроизводства правового порядка. Любое, не единичное и не одномоментное, социально-правовое явление хотя генетически и содержит в основе первичный произвол начальной инновации («первого шага» его инициатора), но при этом выступает также в качестве относительно устойчивой структуры — типичного повторяющегося поведения, которое также объективируется в знаковой форме правового текста в данном государстве и в виде типичного ментального образа в сознании акторов в данной культуре¹⁹. Поэтому и каждое конкретное явление правовой регуляции (и в его динамике — как процесс, и в структурном плане — как норма или институт) существует в трех модулях бытия: в виде человеческого поведения, знаковой формы и ментального образа. Три этих аспекта проявления каждого конкретного случая правовой регуляции, хотя и могут частично расходиться между собой, но все же тесно взаимосвязаны, поскольку существует определенное соответствие между социальными и ментальными структурами, например, между фактическими разделениями социального мира и тем, как это разделение воспринимается и осмысливается агентами²⁰.

¹⁸ «В описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят» (*Бор Н.* Избранные научные труды: В 2 т. / Под ред. И.Е. Тамма. М., 1971. Т. 2: Статьи 1925–1961. С. 495).

¹⁹ Подобная позиция в социальной теории: *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. London, 1995; *Laclau E.* Discourse // *The Blackwell Companion to Contemporary Culture* / Ed. By R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993.

²⁰ См.: *Bourdieu P.* La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. P., 1989.

Соответственно, основной тезис состоит в том, что с точки зрения многомерного и интегрального характера права любой метод правовой регуляции включает в себя три регулятивных аспекта: способ юридического мышления, способ формализации, способ действия. Феноменализация «метода права» — это прежде всего деятельность правотворческих и правореализующих субъектов, устанавливающих права и обязанности (свои или других лиц), а не только правоведческие формы когнитивного осмысления правовой упорядоченности и способы текстуальной юридической формализации этих прав и обязанностей в позитивных нормах, договорах и правоприменительных актах. Этот социолого-эмпирический, поведенческий или деятельностный аспект метода, расширяющий его традиционное технико-юридическое понимание, показывает, что правовое регулирование происходит не само собой, как объективный и реифицированный процесс, и что текстуально-юридическая фиксация определенного социального порядка отношений — это лишь знаково-символическое оформление реальных действий субъектов права.

3. Заключение

Методологической основой теоретико-правового описания, объяснения и развития методов правового регулирования в пост-постмодернистский период становятся такие идеи и принципы, как: сочетание плюрализма с интерсубъективностью юридического знания (т.е. отсутствие абсолютной объективности познания, не равнозначное при этом абсолютному релятивизму), многомерность и интегративный характер видения права и его методов (несводимость их только к одному из аспектов правовой реальности — правосознанию, правоотношениям или позитивным нормам, но синтетическое сочетание данных аспектов), социокультурная обусловленность права и его методов как конкретными специфическими этнокультурным ценностями, так и наиболее общими инвариантными юридическими идеями, социолого-эмпирическая интерпретация правовых методов регуляции с включением их поведенческих, деятельностных аспектов, нефеноменалистический, т.е. содержательно-аналитический характер объяснительной теории, предполагающий выявление качественной (ценностно-функциональной) определенности права, т.е. «социально-сконструированной сущности». Все вместе они обуславливают переосмысление категорий правового регулирования и его методов и переопределение их доктринальных понятий.

Сочетание принципа социокультурной обусловленности (заданности правовой деятельности ценностными и структурными особенностями общества), на чем делали акцент еще «структурализм» и «социальная история», и человека размерности правовой реальности (акцент на сознательной деятельности субъекта, сделанный в рамках «прагматического поворота»), возможно, позволит преодолеть крайности монистических научных подходов, присущие им в отдельности. Антиномия детерминированности человеческих действий культурой и полного центрирования на индивидуальном и субъективном может быть снята в концепциях, основанных на «принципе дополнительности» (по Н. Бору), как это в значительной мере было реализовано в социологической «теории структуризации».

Исходя из соединения обозначенных познавательных критериев и принципов, **правовое регулирование**, по нашему мнению, стоит рассматривать прежде всего как *специализированную деятельность индивидов и организаций по упорядочиванию социального поведения путем установления и реализации юридической прав и обязанностей участников на основе исторически сложившихся общих принципов, главным образом, эквивалентности*. Тот или иной отдельный **метод правового регулирования**, соответственно, интерпретируется здесь как конкретный специфический вид деятельности или социальная технология (когнитивная, знаковая, поведенческая) установления и реализации юридических прав и обязанностей, как общих, так и индивидуальных.

Описанная нами интегральная интерпретация (как разновидность плюралистического подхода) предполагает наличие правового регулирования в конкретной сфере жизни общества только при наблюдаемом единстве трех основных аспектов его феноменализации: позитивного (технично-юридическая фиксация), поведенческого (социальная прагматика фактического порядка отношений) и ценностно-содержательного (воплощение в жизни правовых принципов и ценностей из социально-значимых представлений).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакулина Л.Т. Правовое регулирование в контексте интегративного правовопонимания // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 103–109.

Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. / Под ред. И.Е. Тамма. М.: Наука, 1971. Т. 2: Статьи 1925–1961.

Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П., Третьякова О.Д. Актуальные проблемы теории правового регулирования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020.

Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб, 2009.

Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

Кожокарь И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования: Монография. М.: Проспект, 2021.

Корнев А.В. Социология права: Учебник. М.: Проспект, 2018.

Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13.

Мамут Л.С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 5–25.

Ориу М. Основы публичного права / Пер. с франц. под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М.: Изд-во Ком. акад., 1929.

Теория и практика регуляторной политики в России: Монография / Под ред. А.Б. Дидикина. М.: Проспект, 2020.

Тихомиров Ю.А. Государство: Монография. М.: НОРМА, 2018.

Цыгановкин В.А. Антропологическое измерение правового регулирования // Социогуманитарные смыслы и значения права: Монография / Под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. С. 41–50.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012.

Честнов И.Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.

Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. P.: Minuit, 1989.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London, 1995.

Laclau E. Discourse // The Blackwell Companion to Contemporary Culture / Ed. by R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993.

REFERENCES

Bakulina, L.T. (2018). Pravovoe regulirovanie v kontekste integrativnogo pravoponimaniya [Legal Regulation in the Context of Integrative Legal Understanding]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 1 (253), pp. 103–109. (in Russ.).

Bourdieu, P. (1989). *La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Minuit.

Chestnov, I.L. (2006). Problemy i perspektivy yuridicheskoi nauki XXI veka [Problems and Prospects of Legal Science of the XXI Century]. In: Romashov, R.A. and Nizhnik, N.S. eds. *Yurisprudentsiya XXI veka: gorizonty razvitiya: Oчерki* [Jurisprudence of the XXI Century: Horizons of Development: Essays]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 69–110. (in Russ.).

Chestnov, I.L. (2012). *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. St. Petersburg: Publishing house "Alef-Press". (in Russ.).

Didikin, A.B. (2020). *Teoriya i praktika regulyatornoi politiki v Rossii: monografiya* [Theory and Practice of Regulatory Policy in Russia: Monograph]. Moscow: Prospect Publishing House. (in Russ.).

Dolgopolova, M.V. (2009). *Aktual'nye problemy predmeta i metoda pravovogo regulirovaniya* [Actual Problems of the Subject and Method of Legal Regulation]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. St. Petersburg. (in Russ.).

Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. London.

Golovkin, R.B., Kolesnikova, Yu.P. and Tretyakova, O.D. (2020). *Aktual'nye problemy teorii pravovogo regulirovaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Actual Problems of the Theory of Legal Regulation: A Textbook for Universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House. (in Russ.).

Kasyanov, V.V., Nechipurenko V.N. (2001). *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Rostov on Don: Phoenix. (in Russ.).

Kornev, A.V. (2018). *Sotsiologiya prava: uchebnik* [Sociology of Law: Textbook]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Kozhokar, I.P. (2021). *Defekty normativno-pravovogo regulirovaniya: monografiya* [Defects of Regulatory Regulation: Monograph]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Laclau, E. (1993). Discourse. In: Goodin, R. and Pettit, P. eds. *The Blackwell Companion to Contemporary Culture*. Oxford.

Lapaeva, V.V. (2008). Integral'noe pravoponimanie v rossiiskoi teorii prava: istoriya i sovremennost' [Integral Legal Understanding in the Russian Theory of Law: History and Modernity]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 5, pp. 5–13. (in Russ.).

Mamut, L.S. (2013). Polimodal'nost' prava [Polymodality of Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 4, pp. 5–25. (in Russ.).

Oriu, M. (1929). *Osnovy publichnogo prava* [Fundamentals of Public law]. Translated from French. by E. Pashukanis and N. Chelyapov. Moscow: publishing house of Com. akad. (in Russ.).

Tamm, I. E. ed. (1971). Bor, N. *Izbrannye nauchnye trudy: V 2 t. / T. 2: Stat'i 1925–1961* [Selected Scientific Works: In 2 vols. / Vol. 2: Articles 1925–1961]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Tikhomirov, Yu.A. (2018). *Gosudarstvo: Monografiya* [The state: Monograph]. Moscow: NORMA Publishing House. (in Russ.).

Tsyganovkin, V.A. (2019). Antropologicheskoe izmerenie pravovogo regulirovaniya [Anthropological Dimension of Legal Regulation]. In: Glukhareva, L.I. ed. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya prava: monografiya* [Sociohumanitarian meanings and meanings of law: monograph]. Moscow: RUSAINS, pp. 41–50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цыгановкин Владимир Анатольевич — заместитель заведующего кафедрой теории права и сравнительного правоведения юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

AUTHOR'S INFO:

Vladimir A. Tsyganovkin — Deputy head of the department of the Theory of Law and comparative jurisprudence Department, Law faculty, Russian State University for the Humanities.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыгановкин В.А. Монистические и плюралистические интерпретации правового регулирования и его методов // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 166–181. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin

FOR CITATION:

Tsyganovkin, V.A. (2021) Monistic and Pluralistic Interpretations of Legal Regulation and Its Methods. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 166–181. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin